

НОВАЯ
серия



сергей
стратановский
(оживление бубна)



НОВОЕ
издательство

Сергей Георгиевич Стратановский

Оживление бубна

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116415
Оживление бубна: Новое издательство; М.; 2009
ISBN 978-5-98379-120-6

Аннотация

Сергей Стратановский родился в 1944 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Автор поэтических книг «Стихи» (1993), «Тьма дневная» (2000), «Рядом с Чечней» (2002), «На реке непрозрачной» (2005).

Содержание

I	5
Вяйнямйнен и русский князь	5
Бегство богов	7
Человекодеревья	9
Говорит дева луны	11
«Дряхлый мордвин, дед без отчества...»	13
Литова	14
Лесная книга	16
«Чебоксарский бухгалтер —...»	18
Говорит бог Тангар	19
Гора Сары-тау	21
1	21
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Стратановский

Оживление бубна

У потока Туонелы

У глубоких вод Маналы

Калевала

Эта книга задумана как собрание откликов на мифы и фольклор народов России: финно-угорских, тюркских, монгольских, палеоазиатских. Принцип ее композиции – географический: с запада на восток, от карел до нивхов. Не все народы попали в поле моего внимания, поэтому книга эта всегда может быть дополнена. Иногда я точно следовал мифическим и фольклорным сюжетам, иногда же сочинял их сам, используя лишь мотивы. В некоторых случаях я обращался не к собственно фольклорному материалу, а к его литературным обработкам (например у К.Ф. Жакова и Ю.С. Рытхэу). Русский фольклор опущен мною сознательно, но это не значит, что в книге нет темы России. Она звучит в ней почти постоянно, а в рассказе «Гора Сарытау» является основной. Вообще, одна из задач этой книги – дать свое видение «континент-океана», называемого Россией.

I

Вяйнямёйнен и русский князь

На ладье лебединой,
По реке долгой, длинной,
на север, лесами обильный,
Русский князь – витязь сильный —
К Вяйнямёйнену старому
приплыл со своей дружиной.
И сказал русский князь:

«Помоги нам, кудесник старый,
Бьют нас татары,
жгут наши села и нивы,
Города разоряют,
лучших людей в плен уводят...
И мы просим тебя, заклинатель старый,
Послужи нам силой своей волшебной.
Знаю, можешь ты словом мощным
Мор наслать на народ искони враждебный».

И ответил ему Вяйнямёйнен старый:
«Слово лечит, а не губит,
слово строит, а не рушит.

Словом я ковал железо, словом я ладью построил,
Но убить не смеет слово
никого на целом свете.

Я пойду к тебе на службу, русский князь,
Только воином обычным в твое войско,
Ибо сила моя тяжела мне стала,
И хочу сойти я к смерти,
к Туонелы водам черным».

«Жаль», – ответил ему русский князь.

Бегство богов

Фантазия на зырянскую тему.

По образцу рассказа-фантазии

К.Ф. Жакова «Бегство северных богов»

В Биармию далекую,
в край еловый,
К Ёну – богу великому,
в дом его сине-зеленый,
Боги запада хищного
пришли, от крещенья бежав,
На поклон к Тучегону,
к зырянским богам с просьбой слезной
О счастливом убежище.

Просит Один – бог воинов,
и жена его верная – Фригг,
Просит Тор – бог-мужик,
с громыхающим молотом божище.

И сказал Ён великий:
«Будет вам мед в моем доме,
Будет пища обильная
и очаг непрерывно горящий,
Но недолог наш век
и конец его близок уже.

Вижу в толще грядущего
человека с крестом к нам идущего,
Черноризца великого...
Повернет он народ к богу новому,
И народ нас низложит.

Мы уйдем от напасти,
мы в ладье поплывем с вами вместе
В море мрака холодного,
В море последнее – вместе».

Человекодеревья

Марийский миф
Корнелапые чудища,
с говорящей листвой,
и с живой, тайнозрящей корой,
С сердцем бьющимся —
вот человекодеревья.

Не осталось их ныне:
переродились иные,
Стали просто деревьями,
а другие – из леса в кочевья
Ночью, тайно ушли
от неверных людей, что крестились
В чужеземную веру.

Но осталась в лесу
не ушедшая с ними рябина,
Потому что любила
молодца из деревни, охотника.
Ну, а он испугался.

В церковь пошел он, к попу,
рассказал про бесовское дерево.
Разъярился наш поп
и велел изрубить топором

Эту нечисть лесную.

Криком кричала она,
и до сих пор этот крик
Ночью слышен бывает.

Говорит дева луны

Марийский миф
Я – дева лунная,
я – бессмертная тень, а когда-то
Сиротою дрожащей
я у мачехи хищной жила,
И терпела побои,
и ругань ее терпела,
Небу молилась, ждала
жениха-избавителя,
на коне огневом – сына царского.
Только он не пришел —
за морями он странствовал теплыми.
Что ему мы – деревенские!

Ночью осенней, холодной
за водой погнала меня мачеха,
Говорила: «Расплещешь —
так побью, что не выживешь, дрянь».
Побрела я к колодцу,
воды набрала и заплакала,
И сестрицу-луну
умолила забрать меня с ведрами
И в своем чреве спрятать.

И вот теперь на луне

я – с ведром, полным звезд,
и на нити небесные вешаю
Эти звезды ночные,
но могут сорваться иные,
Вниз упасть, если туча заденет.
И умрет на земле
в этот миг человек неповинный.
Я заплачу о нем.
Будет горько и тягостно мне,
Словно я это сделала.

«Дряхлый мордвин, дед без отчества...»

Дряхлый мордвин, дед без отчества,
говорящий о Боге, о том
Как, томясь в одиночестве,
Бог сотворил из слюны своей
Сатану, князя тьмы,
своего соразботника в Творчестве.
А Христос уж потом
на земле появился с крестом,
Нищий, скорбный,
но это уже не исконная,
Не эрзянская вера.

Литова

По мотивам мордовских песен
В пост великий не ходит Литова
В церковь Божью о грехах своих молиться.
В гневе на нее отец Георгий,
Поп наш строгий,
батюшка суровый.

В праздник светлый не ходит Литова
К хороводу девушек мокшанских.
Праздник темный на душе у Литовы,
В верхней горнице, у красного оконца
На заходе солнца
сидит Литова,
Расплетает косу и поет негромко
О небесном женихе, громовом боге.
И услышал ее бог – хозяин грома,
Сам Пурьгине-паз, пасущий тучи.
Белой молнией глаза его сверкнули,
И примчался он на тройке, запряженной
Злым огнем, горящими конями.
Взял он девушку прекрасную на небо,
И женой его стала Литова.
Горько плакали о ней отец и мать,
Сокрушались о ней девушки и парни.
Ну, а поп наш, отец Георгий,

Ее проклял в церкви.

Лесная книга

Удмуртский миф

Ну, а потом в наши села

Из Москвы пришли люди с ружьями.

Люди жадные, злые

К нам пришли и сказали: «Несите

Шкурки беличьи, заячьи,

соболей и куниц нам несите.

И отдайте нам книгу,

великую книгу удмуртов

Берестяную, лесную,

животворными буквами полную.

Мы ее увезем к царю нашему

В его дом многобашенный, дом до неба».

Спрятали мы эту книгу.

В лесах древних, в Кашкаре и Тырье

Семь годов укрывали,

а потом всем народом решили

Сжечь дотла, чтоб царям не досталась.

И вот тогда жрец верховный

бросил в костер эту книгу.

Застонала она,

а потом заорала от боли.

С дымом ввысь устремились

ее буквы звериные, птичьи.

С той поры и навечно
только горсть ее букв жива где-то.

С той поры и навечно
отвернулись от нас боги наши.

«Чебоксарский бухгалтер —...»

Чебоксарский бухгалтер —
потомок Аттилы великого
И Кримхильды германской,
так отвечал об Аттиле:
«Много зол учинили
в странах западных предки чувашей
Гунны, впрям подобные...
Что ж... Из истории нашей
Этой правды не выкинешь...
Но когда мой прапрашур свирепый
С высоты Рим увидел,
то сказал: „Нет подобного в мире.
Пуп земли этот Город,
и рукой своей царственной я
Пуп не вырву из тела“.
И отошел вместе с войском.

Скромный я человек,
но горжусь, что мой предок свирепый
Пошадил Вечный Город».

Говорит бог Тангар

Фантазия по мотивам чувашских мифов
Я – Тангар, бог верховный,
жил я в хоромах зеленых,
Жил с женою своею,
с Полехсе, богиней великой,
И с остальными богами.
Там мы правили миром,
там – за длинным столом пили мед.
Но прошло наше время.

Было время узалов —
владык мировых, и прошло.
Мы их свергли внезапно,
мы их ввергли во мрак без единой искры.
И вот теперь новый бог
Сокрушил наши троны,
выгнал нас из дворцов изумрудных.

Мы ладью снарядили
и по Идилю великому
Поплывем к морю теплему...
Там, за морем и будем,
словно рухлядь, влачить дни бессильные.
Все на свете проходит,
и лишь мы остаемся бессмертными

И завидуем смертным.

Гора Сары-тау

В рассказе использован один из сюжетов татарского эпоса «Идегей»

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:

Не вернуться, не взглянуть назад.

Блок. На поле Куликовом

1

– Великий хан, *сеид* Ахмат вернулся из Укека и хочет видеть тебя.

Хан Токтамыш только что поднялся с молитвенного коврика и, услышав эти слова стража порога, поспешил к выходу из Золотой юрты. Согласно обычаю, хан должен был сам встречать сеида как человека, знающего законы и волю Аллаха. Во дворе *Алтын Таша* – Золотого дворца, перед которым стояла Золотая юрта, – Токтамыш увидел две кибитки: одну богатую, принадлежащую сеиду, и другую, гораздо более скромную. Кибитка сеида была из белого войлока с нашивкой – зеленым полумесяцем, обшитым жемчугом. *Арбакеш*, сидящий на козлах, был в атласном зеленом кафтане, правда, сильно запыленном после долгой дороги. Вторая кибитка была серой, и ее арбакеш тоже был в чем-то сером и

невзрачном. Токтамыш подошел к белой кибитке, откинул полог и помог сеиду Ахмату сойти на землю, а затем, следуя обычаю, поцеловал ему руку.

– Я не один, сегодня, великий хан, – сказал сеид Ахмат, – со мной *бий* Дюрмен из Укека. У него дело к тебе.

– Я знаю бия Дюрмена. Он храбрый воин и честный человек. Что у него за дело?

– Казнили его сына Урмана. Он связал палача и привез к тебе на суд, великий хан.

– Пусть появится перед моим лицом.

В серой кибитке зашевелились, и из нее вылез бий Дюрмен, человек почтенного возраста, а за ним вслед вылез подросток лет тринадцати-четырнадцати, со связанными руками. Подросток испуганно уставился на Токтамыша.

– Этот? – удивился Токтамыш.

– Он самый, великий хан, – подтвердил бий Дюрмен. – Он отрубил голову моему сыну Урману.

– Проходите ко мне. Сейчас же начнем суд.

Токтамыш вместе с сеидом вернулся в юрту, а бий Дюрмен, взяв мальчика за шиворот, поволок его к порогу. Там он отвязал свой меч и положил его слева от входа.

– Развяжи мальчика, бий, – сказал страж порога.

– Нет, – возразил Дюрмен. Он убийца моего сына и недостойн жалости.

Страж откинул полог, и оба, Дюрмен и его пленник, вошли к хану. Ханская юрта была из белого войлока и называ-

лась Золотой, поскольку держалась на золотых столбах и была обшита множеством золотых бляшек. В юрте находился деревянный трон, обитый серебром, – его хан брал с собой в походы, а главный трон, обитый золотом был во дворце, где Токтамыш принимал иностранных послов. Когда Дюрмен и мальчик вошли, Токтамыш уже сидел на троне, справа от него на длинной лавке сидели сеид Ахмат и *карачи* – люди знатных родов, с которыми хан держал совет и правил суд.

– Развяжи мальчика, бий, – приказал Токтамыш. Дюрмен повиновался. – Как тебя зовут, мальчик?

– Бекет.

– Почему ты, Бекет, убил сына бия Дюрмена?

– Я не виноват, великий хан. Это Кубугыл повелел казнить Урмана.

– Кубугыл? Сын Джантимира?

– Да, великий хан.

– Этот Кубугыл был непочтителен со мной, когда я проезжал земли *мангытов*. Он дерзкий и своенравный юноша. Но в чем был повинен Урман?

– Он воровал деревянных лошадок у благородных ребят. Их привезли к нам русские купцы, и многие знатные люди купили их для своих детей. А Урман захотел иметь у себя дома целый табун и стал красть. Три раза ему это удавалось, а на четвертый он попался, и тогда Кубугыл собрал нас...

– Кого это «нас»?

– Благородных ребят, великий хан. Кубугыл объединил

мальчиков из знатных семей в союз и стал нашим атаманом. И он попросил бия Бурлюка учить нас стрельбе из лука и владению мечом.

– Ты слышал, сеид? – обратился Токтамыш к сеиду Ахмату.

– Он опасен, этот Кубугыл, – ответил Ахмат.

– Продолжай свой рассказ, Бекет.

– Кубугыл собрал нас и сказал, что Урман должен быть казнен, потому что таков обычай наших предков. Потом он отозвал меня в сторону и сказал: «Бекет, у тебя твердая рука. Ты лучше других ребят владеешь мечом. Поручаю тебе сделать это».

Токтамыш задумался. Он понял, что мальчик только выполнил приказ Кубугыла и казнить его не за что. Но своеволие сына Джантимира тоже нельзя было оставить без внимания.

– Что ты скажешь об этом, бий Кутуз? – обратился он к одному из карачей, немолодому уже и заслуженному воину.

– Скажу, что Кубугыл был прав. Он поступил по обычаю и по закону твоей державы, великий хан. Украдший коней должен быть казнен.

– Так ведь это были не настоящие кони, – возразил Токтамыш.

– Зло следует вырывать, когда оно еще неокрепший росток. Если дать злу окрепнуть, оно разрушит твою державу, хан.

– Великий хан, – вмешался бий Дюрмен, – я всегда был твоим верным слугой. Я лишился единственного сына. Пусть этот мальчишка заплатит своей головой за голову Урмана.

– Бий Дюрмен, – сказал Токтамыш, – ты всегда верно служил мне, и я понимаю, как велико твое горе. Но наказание не должно быть подобно злодеянию, иначе не будет справедливости в моей державе. Пусть сеид Ахмат скажет, как наказать мальчика.

– Полсотни ударов кнутом, великий хан.

– Пусть будет так, – сказал Токтамыш. – Если он выдержит полсотни ударов и останется жив, значит, такова воля Аллаха.

Дюрмен был явно недоволен таким поворотом дела, но не посмел перечить хану и только попросил разрешения присутствовать при наказании.

– Нет, – сказал Токтамыш, – тебе, бий, следует отдохнуть после дороги. Мой слуга проводит тебя во дворец. Останься у меня на несколько дней, я давно не видел тебя.

Дюрмен поклонился и в сопровождении ханского слуги вышел из юрты.

– Сеид Ахмат, – сказал Токтамыш тотчас после его ухода, – этот мальчик не выдержит полста ударов кнутом. Если он умрет, мангыты затаят злобу на нас.

– Мы обязаны его наказать, великий хан. Иначе Кубугыл решит, что мы одобряем казнь Урмана.

– Ты прав, сеид. Предлагаю наказать десятью ударами

кнутом и отпустить домой.

– Но что мы скажем Дюрмену?

– Дюрмену мы скажем, что Бекет получил полсотни ударов и по воле Аллаха остался жив.

Сеид Ахмат согласился. Слуга увел Бекета, чтобы рядом, за Золотой юртой, наказать его. Хан Токтамыш занялся с сидом и карачами делами державы, а когда слуга возвратился, спросил:

– Он кричал?

– Нет, великий хан. Из его рта не вылетело ни единого звука.

– Значит, когда станет *азаматом*, будет хорошим воином. А теперь скажи: отправится ли завтра утром какой-нибудь караван в Укек?

– Да, великий хан. Бухарцы завтра поутру покидают твою столицу и направляются туда.

– Хорошо. Отведи к ним мальчика и попроси доставить его домой. Бию Дюрмену мы скажем, что он бежал.

На следующее утро Бекет с бухарским караваном покинул Сарай-Берке.

2

Место казни было за городом, на берегу Идиля у горы Сарытау. Там когда-то, по рассказам стариков, находился *тияк* – жертвенный камень, на котором приносили в жертву пер-

венцев от стад. Было это в давние времена, когда мангыты еще не приняли веру пророка Мухамеда и поклонялись собственным темным богам. Теперь здесь была плаха, на которой отрубали голову нарушившим закон и обычаи предков. Было раннее утро, солнце только что поднялось над Идилем и осветило склон горы. Перед плахой, уткнувшись в нее обреченным лицом, стоял на коленях со связанными руками Урман. Поодаль в напряженном ожидании стояли ребята из благородных семей, а перед ними, непреклонный и властный, с секирой на плече – Кубугыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.